

В. Н. ОЛИН

СТРАННЫЙ БАЛ

Из цикла «Рассказы на станции»

В прошлом 182* году (я уже сказал, что так путешественник начал рассказ свой) — в прошлом 182* году, вечером, один отставной генерал, человек одинокий, сидел у себя дома. На дворе была глубокая осень, и время, помнится, приближалось уже к Михайловским заморозам*. Скука мертвая, да и только! Сидя на своем турецком диване, на котором лежали в головах три постельных подушки, и раскладывая уже несколько раз и на все манеры гранд-пассианс, генерал бросил наконец карты, зевнул, потянулся, поправил на голове колпак и взял книгу. Новая скука! Пробежать несколько страниц не долго и не трудно, и не в этом дело; но читать, когда читать не хочется, но глядеть в книгу, беспрестанно зевая и когда рябится в глазах не потому, чтобы хотелось спать, но потому, что или книга скучна, или просто, как я уже сказал, читать не хочется, — какое ужасное положение для читающего! Не знаю, как вы, а я испытал это

* 21 ноября — Михайлов день. *Здесь и далее, за исключением переводов и если не указано иное, прим. ред.*

несколько раз и поэтому, признаюсь вам, я почти всегда с содроганием принимаюсь за всякую новую книгу.

Что делать? чем заняться? Гранд-пассианс уже наскучил, книга не читается, лежать не лежится. Генерал для рассеяния спросил трубку; но и тут опять горе! Выкурив перед этим уже несколько трубок, он почувствовал от этой последней тошноту; позвонил в колокольчик, спросил стакан холодной воды, чтобы освежить желудок, — пить не хочется! Беда, да и только! Одним словом, какое-то враждебное влияние, казалось, окружало его и над ним тяготело.

Прошедшись несколько раз взад и вперед по комнате, генерал снова позвонил в колокольчик.

— Иван! — сказал он вошедшему слуге, — выдь на двор и погляди, какова погода; да смотри, не ветрено ли? Все будет по крайней мере не так душно, как здесь, — продолжал он по уходе слуги и, снявши с головы колпак, повесил его на статушку Медицейской Венеры, стоявшей у него на подзеркальном столике.

Слуга возвратился с ответом.

— Ну, так дай же мне поскорее одеться, — сказал генерал, — я хочу немного освежить себя воздухом. Мертвая скука!

Казалось, что какая-то таинственная сила невольно увлекала генерала на улицу.

Накинув на себя шинель и нахлобучив фуражку, генерал взял трость и пошел прогуляться. На дворе было уже часов около десяти.

Взявши дорогу, без цели и без намерения, по набережной Фонтанки и сделав несколько шагов, он стал дышать свободнее, освеженный воздухом. Ночь была тихая, но темная: порою выплывал из-за туч месяц, сребря фантастические края их или рассыпая перламутровый блеск по дымчатому их руну, и снова застилался тучами. Генерал шел, шел, шел, все прямо по набережной, и наконец

поворотив на Чернышев мост, к переулку, ведущему к Гостиному двору, пошел другою стороною Фонтанки, пробираясь уже домой. Время приближалось к двенадцати часам, стук экипажей уже изредка прерывал безмолвие ночи; свету в окнах большей части домов уже не было, пешеходы начали встречаться реже и реже, многие из фонарей уже догорали, и самые даже наши гостеприимные Фрины* (прибавил, улыбнувшись, путешественник) молились уже дома перед лампадкою.

Ночь в столице поучительна для наблюдателя.

Вдруг, неожиданно, попадаетея генералу навстречу знакомец его, Вельский, молодой образованный человек. Он был закутан в широкий гишпанский плащ; на голове у него надета была шляпа также с широкими полями, подобная тем, какие носят в Англии квакеры**, или, лучше сказать, она скорее походила бы на погребальную, если бы только тулья ее имела форму полусферическую, а не просто обыкновенную.

— Куда, любезнейший? — спросил генерал Вельского, подавая ему руку и остановившись с ним под фонарем на тротуаре набережной.

— В гости, — отвечал Вельский. — А вы, генерал, куда и откуда? Верно, из гостей, иль театра, или также в гости?

— Нет, — отвечал генерал, — просто прохаживался и возвращаюсь теперь домой.

— Но эти часы, — возразил, улыбнувшись, Вельский, — кажется, не пора для прогулки без цели. Верно, какое-нибудь пленительное rendez-vous***, генерал... впрочем, быть может, и весьма благоразумное... русский локон — прелестная,

* *Фрина* (ок. 390 до н. э. — ок. 330 до н. э.) — афинская гетера и натурщица.

** Представители радикального протестантского движения.

*** Свидание (*фр.*).

стройная ножка, как у подружки первого человека... или голубые глазки, озаренные каким-нибудь из блистающих теперь созвездий... Ха-ха-ха! Это, право, поэзия!.. Да и какая ж еще? Романтическая, генерал!

— Ах ты, повеса! Вечно шутки да шутки!.. Совсем нет, любезнейший! ты ошибаешься: какая-то мертвая скука — хандра не хандра...

— Верно, сплин? — прервал Вельский.

— Не знаю.

— Далее, генерал?

— Выгнала меня из дому. Вот я и пошел прогуляться; и теперь, освежившись воздухом, чувствую, что мне стало гораздо лучше, однако ж еще не совсем.

— Долго ли вы гуляли?

— Да так, часов около двух.

— И вы не устали?

— Нимало.

— Прекрасно! И вы не хотите спать?

— Нисколько.

— Прекрасно. И вы говорите, что вам все еще скучно?

— Да.

— Прекрасно!

— Что за гиль ты городишь, любезнейший? Я, право, не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Видите ли вы этот дом? — спросил Вельский и, вынув из-под плаща левую руку, на которой надета была белая лайковая перчатка — обыкновенная бальная принадлежность молодого человека, указывал на одно здание с прекрасным подъездом, у которого горели два кулибинских фонаря, или кенкета, отражая свет на мостовую. — Вот этот самый, — продолжал он, — который изнутри освещен так великолепно и мило?..

Генерал обернулся и в нескольких от себя шагах, в стороне, увидел в самом деле прекрасно освещенный дом,

мимо которого, в своей задумчивости, прошел он без всякого внимания. У подъезда стояло несколько экипажей; в окнах третьего этажа горело множество свеч, и, если бы кто-нибудь в это время, с противоположной стороны набережной, взглянул на это здание — глазам его представилась бы картина прелестная: дом, опрокинутый в воду, отражался в зеркальных зыбях ее с своим освещением, со всеми своими формами и даже с самым цветом стен своих: поэтому-то осенью блистательные иллюминации в Петербурге весьма живописны по набережным; иногда, по временам, раздавалась музыка, сквозь цельные стекла, с разноцветными гардинами, видны были горящие лампы, люстры и канделябры, картины в золотых рамах, бронза, вазы с цветами и проч.; в окнах мелькали иногда, как бы китайские тени*, человеческие фигуры, — и вот прекрасный случай сказать с поэтом:

Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет.

.....

.....

По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков... **

и проч., и проч., и проч.

— Прекрасно, прекрасно, генерал! — повторил Вельский, ударив дважды, как бы в утверждение истины слов своих, рукою в руку.

* Вероятно, имеется в виду театр теней.

** Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

В это самое время снова раздался из дому звук бальной музыки.

— Но что же есть общего, — спросил генерал, — между этой вечеринкой и мною?

— Очень много, — отвечал Вельский, — более, чем между поэзией и музыкой, между желанием и эгоизмом, между идеалом и его отблеском, великим умом и безумием, деньгами и всем на свете, — несравненно более, наконец, чем между Гомером и экзаметром.

— Все это для меня тарабарская грамота, любезнейший! — отвечал генерал, — ровнехонько ничего не понимаю!

— В таком случае я объяснюсь понятнее, — сказал молодой человек, улыбнувшись; но в улыбке его было что-то необыкновенное, странное: одним словом, какое-то фантазмагорическое слияние горькой и грешной насмешки с обыкновенною игрою мускулов. — Вот в чем дело, — продолжал он, — я приглашен на этот бал, или, лучше сказать, на эту дружескую маскарадную вечеринку; хозяин мне хороший приятель; одним словом — все семейство премилое; вам скучно, генерал, — и вот прекрасный случай рассеяться; пойдете вместе на вечеринку: хозяин и хозяйка вам будут от души рады. Вы найдете там лучшее общество... даже, как я слышал, будут читать стихи... поэзия, разумеется, домашняя; но когда же дружба бывает слишком взыскательна? Музыка, танцы...

— Но я не танцую, любезнейший! — сказал генерал.

— Бостон, вист...

— Я не играю в карты.

— Молодые девицы с их полувоздушными талиями, которые легко бы могли поколебать добродетель и самого старого анахорета и которых наши новейшие трубадуры, с их феодальными мандорами*, верно уподобили бы

* *Мандора* — разновидность лютни.

очаровательным феям, танцующим при луне и чуть-чуть приклоняющим мураву легкими и стройными их ножками; одушевленная кинетозография*, излияние сердца, остроты, шутки, игры, живые картины, дипломатика, — одним словом, есть тысяча средств приятно рассеяться на вечеринке, и особенно на такой, какова эта.

— Но я не знаком с хозяином, любезнейший!

— Зато я короткий приятель в доме, — отвечал молодой человек, — член одного семейства; и, как я уже сказал вам, хозяин и хозяйка — люди прекраснейшие — будут более чем рады, генерал, если вы их обяжете вашим посещением.

— Благодарю за честь, любезнейший! — отвечал генерал, — однако ж я лучше ворочусь домой и почитаю Библию: я остановился, кажется, на одиннадцатой главе Книги Бытия, и еще в первый раз в моей жизни. Ах! почтеннейший, рано или поздно, а все-таки надобно приняться за Библию.

Вельский захохотал почти во все горло...

— А который вам год, генерал?

— Да вот уж, брат, с прошлых заморозов стукнуло за половину пятого десятка.

— «Аще в силах — и восемьдесят» — сказано в этой же самой книге, — продолжал Вельский с насмешливою улыбкой. — Рано же вы, генерал, хотите отретироваться из-под знамен наслаждений жизни... Но не об этом дело; я знаю, что искушать пустытника есть только напрасный труд; впрочем, как бы то ни было, я неотступно зову вас на вечеринку. Вы встретите там несколько таких предметов, которые, ей-ей, будут в силах вскипятить в вас стынущую от уединения кровь; и клянусь вам — всем, чем вы хотите, — что светленькие и черные глазки той

* Механический театр, прообраз кинематографа.

красивой головки, которую вы там увидите, могут не хуже гальванизма привести в движение все нервы даже у самого мертвеца и — говорю по совести — должны решительно вскружить и вашу голову.

— Соблазнитель!.. — воскликнул генерал, улыбнувшись в свою очередь. — Перестань, греховодник! — продолжал он, — хоть ты и резов на слово, но как бы то ни было, любезнейший, а я все-таки пойду домой, дочитаю одиннадцатую главу Книги Бытия и потом, оградясь крестным знамением, лягу спать — и верно засну, с Божиею помощью.

К великому удивлению генерала, разговаривавшего, как мы уже сказали, под фонарем с Вельским, он приметил, что этот последний сделал ему какую-то ужасную гримасу и что какой-то туман начал его скрывать от глаз его, сквозь который едва приметное одно только лицо Вельского светило как пламень пожара при застилающем его дыме. Генерал протер себе глаза, чихнул несколько раз, почувствовав под носом серный запах, и, между тем как мысленно приписывал он причину этой странности преследовавшей его скуке, Вельский снова представился глазам его в обыкновенном своем виде.

— Ахти, Господи Христе Иисусе! — воскликнула изумленная Матрена Прохоровна, перекрестившись невольное. — Ну, отец мой Сергей Сергеевич, что-то будет далее?

— Да, любопытно знать, — прибавил Савва Трофимович, — что окажется далее?

— Я не буду без нужды, — продолжал путешественник, — входить в подробности разговора Вельского с генералом. Скажу только, что неотразимое красноречие Вельского наконец восторжествовало и он убедил генерала пойти с ним на вечеринку.

Дорога была не долга: стоило только с тротуара набережной сделать несколько шагов через улицу.

Красивая и освещенная лестница, на последней площадке которой стоял гипсовый рогатый сатир колоссальной формы, вела в третий этаж того дома, куда пришли генерал с Вельским. Войдя в переднюю, генерал с трудом перевел дух, почувствовав в груди сильную одышку.

Лакеи встали, и один из них, в галунах и красной ливрее, снял шинель с генерала и плащ с Вельского.

Генерал и Вельский вошли в залу, где мужчины на нескольких столах играли в карты — статские, военные, придворные. Восковые свечи на ломберных столах горели в серебряных шандалах и, отражаясь в хрустале зеркал, украшавших простенки, представляли какую-то мечтательную галерею других фантастических гостей, со всеми их телодвижениями, или, лучше сказать, одушевленную космораму* существ оптических или идеальных. Вельский представил генерала хозяину, вошедшему в эту самую минуту из гостиной в залу, человеку уже более чем средних лет, почтенной наружности, с звездой на груди и с знаком отличия беспорочной службы на ленточке храбрых. При сих словах Савва Трофимович, с видом самодовольства, посмотрел на третью петлю левой полы своего фрака, где на владимирской ленточке рисовался золотой дубовый венок с четырьмя десятилетиями посередине.

— Я должен сказать вам, — продолжал путешественник, — что почтенный хозяин жаловался, однако ж, что его обочли годами по формуляру.

— Конечно, еще по новости и при самом начале, — сказал Савва Трофимович, чистя обшлагом свой знак отличия беспорочной службы.

* *Косморам* — картина, изображающая обширное пространство земли и предметы на ней так, что создается иллюзия живой природы.

— Без сомнения, — отвечал путешественник и продолжал далее. — После обыкновенных с обеих сторон учтивостей, извинений насчет туалета, нисколько не соответствовавшего бальной вечеринке, и благодарности за честь посещения хозяин ввел генерала в гостиную, где сидело несколько разряженных женщин по последней парижской моде, и представил жене своей, молодой и прекрасной даме, одушевлявшей беседу своею любезностию.

— И верно говорил по-французски? — сказала Пелагея Саввишна.

— Какой вопрос, мой ангел! — прервала старшая ее сестрица. — Разумеется, по-французски, потому что в хороших обществах не говорят по-русски, да это и не в тоне. Не правда ли, Сергей Сергеевич, что верно ведь говорили по-французски?

— Без всякого сомнения, — отвечал путешественник, — вечеринка была одною из лучших и самая блистательная.

— Ах, вы мои зяблицы!.. — воскликнула Матрена Прохорова. — Ну, отец мой Сергей Сергеевич, хозяин с генералом вошли в гостиную...

— Да, — продолжал путешественник. — Тысячию любезных учтивостей прелестная наша хозяйка явила признательность свою генералу за то неожиданное удовольствие, которое доставлял он им своим знакомством. В самых блистательных цветах французских фраз благодарила она гостя, который, худо понимая по-французски или, лучше сказать, вовсе не понимая и, следовательно, всегда охотнее объясняясь на языке отечественном, должен был, к сожалению, отвечать по-русски и складывал всю вину на Вельского...

— Quelle horreur!* — прошептала вполголоса Степанида Саввишна.

* Какой ужас! (фр.)

— Напротив, генерал, — отвечала хозяйка (продолжал путешественник), — Вельскому-то именно я и должна быть благодарна, — и бросила такую улыбку на молодого человека, от которой запрыгало бы и оледенелое сердце анахорета. — Наконец, генерал, — сказала она, — прошу вас быть без церемоний, как дома: никогда не бывали вы на такой дружеской и единокрушной вечеринке.

— Как нравится вам хозяйка, генерал? — спросил Вельский.

— Она очаровательна; что за глаза, какие розы в щеках, зубы как жемчуг; а улыбка, любезнейший!..

— О! да это поэзия, генерал!

— Поневолe будет поэзия, любезнейший, как поцелуешь такую нежную и пухленькую ручку...

— Завидую вашей участи, — отвечал Вельский с насмешливою улыбкой, которой, однако ж, собеседник его не заметил. И в самом деле, генерал стал веселее и разговорчивее. — О! то ли еще вы увидите!.. — сказал Вельский. — Но слышите ли вы пленительные звуки мазурки? Пойдемте взглянуть на маски, на танцы и посмотрим на воздушных прелестниц.

— Соблазнитель!.. — прошептал генерал, погрозив ему пальцем.

Они вошли в залу.

Зала была блистательна и великолепна. Тысячи восковых свеч отражали блеск свой в кристалле зеркал и на паркете. Портреты в золотых рамах, все в рост, были так живы, что, как говорит один из великих наших поэтов, хотели, казалось, сойти со стен и принять участие в общем веселье; мраморные статуи ожидали только благоприятной минуты, чтобы спрыгнуть со своих пьедесталов. Одним словом, это был храм очарований. Прибавьте ко всему этому пестроту и ослепительный блеск костюмов, ароматы с кудрей красавиц и платков молодых франтов,

музыку, живые гирлянды и букеты танцующих — и вам не трудно будет дорисовать картину.

— Клянусь блистательным усом пророка! — воскликнул Вельский, — если бы я был великим султаном, в гаремах моих было бы столько одалиск, сколько роз в садах моих; но все эти девицы и дамы были бы лучшим цветом моих гинекеев*: все они так прелестны!

Генерал, щурясь, пристально всех их рассматривал.

И в самом деле, вечеринка была блистательная!

Некоторые из дам и кавалеров были в костюмах и масках, другие без масок.

— Посмотрите, как ласково этот голубой атласный корсет обнимает полувоздушную талию этой молодой андалузянки, с блестящими, как жемчуг, зубами; кажется, он весь прилип к ней, нет ни одной складки, ни одной негладкости: белая, пышная кисейная юбка, опущенная немного ниже колен, свободно и без ревности дает видеть ненасытным глазам стройную и прелестно округленную ножку, которую с жадностью обхватывает черный бархатный башмачок, почти весь открытый и с маленькою золотой пряжкой: не слышно, как она ступает; при каждом полете ее голубая атласная подвязка блесит и мелькает, заставляя сердце упоенного любовника трепетать учащенным биением... О Урсула блаженная! разве не видите вы, как страстно он прижал ее к пламенеющей груди своей, прежде чем выпустить ее из своих объятий и передать другому кавалеру... между ними один только воздух. Но не грусти, молодой человек, ты ненадолго с нею расстался!.. К каштановым волосам ее приколоты роза. Как пленительна и эта белокурая девушка в малиновом сарафане; как пристала к голубым глазам ее эта серебряная глазетовая повязка; белые руки ее обнажены по локоть, как милы

* *Гинекей* — женские покои в древнегреческом доме.

эти красные сафьянные чеботцы; в косу ее вплетена алая лента. Святые угодники! какой пышный бант в этой русой красе девицкой!.. А ты, таинственная незнакомка, — кто ты, очаровательница? Какой пленительной белизны, какой сладострастной округлости твои обнаженные руки; как обольстителен этот золотой браслет на этом снегоподобном мраморе с голубыми жилками; мягкие и как шелк блестящие кудри твои, чародейка, рассыпанные по твоим плечам алебастровым, чернее потухшего угля; все формы ее прелесть и воздух; все движения — жизнь и гармония; нет слов в звуках языка человеческого, нет красок на палитре Рафаэлевой, чтобы изобразить эту волшебницу: если бы я был Праксителем или Кановой*, клянусь вам знаменитым прахом всех катакомб римских, я бы пошел на пытку и плаху, чтобы мне изваять только с нее статую!.. Силы небесные! свейте эту ревнивую маску с лица прелестницы!..

Какая блистательная смесь кадрилей и одеяний!.. Как мила эта пышная роза на груди этой молодой итальянской садовницы; и как печален этот прелестный букет в руках этой старой ведьмы!..

А этот господин в красном французском кафтане с стразовыми пуговицами, из-под фалд которого, сзади, виден закорюченный хвостик; в напудренном парике с пуклями, который прорезывают два небольших и блестящих, как отполированный агат, загнутых рога; с дворянскою шпагою восемнадцатого столетия и с собачьей мордою?.. Клянусь вам, если бы это не была только маскарадная вечеринка, его бы можно было назвать самим Сатаною!..

* *Пракситель* — древнегреческий скульптор IV века до нашей эры; *Антонио Канова* (1757—1822) — итальянский скульптор-классицист.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

